18+

Юлия Юрина

Цена выбора

Юлия Юрина

Цена выбора

«Издательские решения»

Юрина Ю.

Цена выбора / Ю. Юрина — «Издательские решения»,

«Цена выбора» — роман о том, как непростые времена заставляют людей делать тяжёлые выборы. На фоне войн и перемен герои решают, что важнее: долг или чувство, безопасность или верность себе. Каждый их выбор меняет судьбы — и не только свои, но и близких. Это книга о цене решений и о том, что даже в самые трудные годы любовь остаётся самым ценным наследием.

© Юрина Ю.
© Издательские решения

Содержание

ЧАСТЬ I 6
Глава 1. Побег из Пекина 6
Глава 2. Новая жизнь. Шанхай, 1930 год 10
Глава 3. Сны на двоих 14
Глава 4. Жестокая правда 19
ЧАСТЬ II Сны становятся явью 26
Глава 5. Родимое пятно 26
Конец ознакомительного фрагмента. 28

Цена выбора

Юлия Юрина

© Юлия Юрина, 2026

ISBN 978-5-0071-7668-2
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ЧАСТЬ I

Глава 1. Побег из Пекина

Февраль 1912 года в Пекине выдался лютым. Ветер гнал позёмку по узким улочкам, забивался под воротники, и рикши, закутанные в тряпьё, еле ползли в гору. Зато по вечерам снег на серых черепичных крышах подхватывал свет фонарей, и город казался нарядным, будто праздник шёл ему, а не людям.

Во дворе маньчжурского дома рода Айлинь Гиро снег лежал толстым слоем, по колено взрослым. Красные фонари, развешенные к празднику, горели над сугробами, как яркие пятна в белой мгле.

Семилетний Хэ не чувствовал холода. Он был занят войной.

Деревянный меч в его руке был выстроган из старого обрезка, бумажный шлем съехал на бок, но Хэ не замечал. Он стоял на сугробе, как на крепостной стене, и командовал армией из двух человек — себя и А-Фу. На нём была надета стёганая куртка на вате: синяя с вышивкой по вороту, и штаны, заправленные в сапоги, шапка с меховой оторочкой. Щёки горели от мороза, изо рта шёл пар, и на ресницах оседали снежинки.

А-Фу был сыном няни. Ему было восемь, но выглядел он младше: худой, бледный, с вечным кашлем, который не проходил ни зимой, ни летом. Он держал свой меч обеими руками, потому что одной было тяжело, и смотрел на Хэ с обожанием, которое не требовало слов. Его куртка была была старой, латаной-перелатанной, и слишком большой — с чужого плеча, а шапка тоже сидела криво. Они были друзьями с тех пор, как Хэ научился ходить. А-Фу был единственным, кто не кланялся ему и не называл «господин», почти всегда был рядом и не боялся его отца.

— В атаку! — крикнул Хэ и прыгнул с сугроба.

А-Фу засмеялся, но смех перешёл в кашель. Он согнулся. Меч выпал из рук в снег. Хэ тут же подбежал к другу, забыв про войну.

— Ты чего? — положил он руку на плечо А-Фу. — Опять?

— Ничего, — прохрипел А-Фу, вытирая рот рукавом. — Просто холодно.

Хэ нахмурился и вспомнил, как взрослые шептались, что А-Фу «не жилец». Он не понимал, что означало это слово, но ненавидел его.

— А мне жарко! — вдруг сказал он и стянул куртку. Снег падал на нижнее одеяние, которое тут же намокало. — Смотри.

Он повернулся спиной и задрал рубашку на спине. Ниже шеи, у левой лопатки, был знак в форме полумесяца. Родители говорили: это знак рода.

А-Фу посмотрел и тяжело вздохнул.

— У меня такого нет, — тихо сказал он.

— Значит, ты не генерал, — заявил Хэ и тут же осёкся. — Но ты будешь моим самым главным помощником! Договорились?

А-Фу улыбнулся слабо, но искренне.

— Хорошо.

Из дома вышла няня. Она была в тёплой куртке и с платком на голове. Ей было за сорок, но выглядела она старше своих лет. Несмотря на это, Хэ любил её такую: с обветренным лицом, с проседью в волосах и мозолями на руках. Няня подошла, быстро поправила рубаху и натянула куртку. Хэ не понимал её тревоги.

— Ты с ума сошёл, сяо Хэ[1]? — сердито, но нежно сказала она. — Простудишься.

— Мне жарко, — не унимался Хэ.

Няня посмотрела на его спину. Туда, где под одеждой скрывался полумесяц, — и на мгновение изменилась в лице. Она взяла детей за руки и повела в дом. А-Фу шёл, кашляя в кулак.

Усадьба семьи Айлинь Гиро была небольшой. Деревянные колонны, резные наличники на окнах и в галереях, двускатные крыши — всё от прежнего достатка, только краска на колоннах местами облупилась. Внутри пахло благовониями, чаем и старой бумагой, с едва уловимой ноткой плесени. В доме всё было скромно: простая мебель, свитки с иероглифами на стенах, пучки трав. Пол был выложен кирпичом, и зимой от него тянуло холодом, несмотря на жаровни с углём.

Отец Хэ принадлежал к боковой ветви императорского рода. Не имея больших амбиций и женившись на простой маньчжурке, вопреки императорскому протоколу, он был исключён из высшего общества. Его жизнь теперь сводилась к заработку на каллиграфии и преподаванию живописи. Высокий, сухощавый, он всегда держал спину прямо. Он носил длинный чаньшань[2] из тёмно — синего шёлка, и его руки всегда были чуть испачканы тушью. Он редко говорил с сыном, но когда говорил — тот слушал.

Мать Хэ говорила тихо и пахла сандалом и чаем. Она носила маньчжурское платье с высоким воротом и длинными рукавами, а волосы укладывала в сложную причёску со шпильками. От неё приятно пахло сандалом и чаем. Всё детство мама пела Хэ колыбельные на маньчжурском, которого он не понимал, но который запомнил на всю жизнь.

В ту ночь Хэ проснулся от голосов. Он лежал в постели, укрытый тяжёлым одеялом, и слышал, как за стеной, в коридоре, говорят двое. Он узнал голос отца — низкий, спокойный, но с ноткой, которой раньше не было.

— Император Пи отрёкся от престола. Если что-то случится, — говорил отец, — мальчика надо спасти любой ценой.

— А-Фу… — послышалось в ответ. Это был голос няни. — … всё равно не жилец.

Хэ не понял, о чём они, но что-то холодное сжалось в груди. Он закрыл глаза и притворился, что спит.

Утром он нашёл А-Фу во дворе. Тот сидел на ступеньке, закутанный в одеяло, и грустно смотрел на снег.

— Ты умрёшь? — спросил Хэ прямо.

А-Фу не удивился. Он, казалось, ждал этого вопроса, и с согласием мотнул головой.

— Наверное, — сказал он. — Но ты, шаое[3], будешь жить.

Хэ сел рядом, ему было досадно, но он попытался рассмешить друга, сказав:

— Тогда давай поменяемся, сейчас же. Ты будешь мной, а я — тобой!

А-Фу засмеялся и тут же закашлялся.

— Ты не выдержишь моей жизни, — сказал он, откашлявшись. — Я слабый, кашляю и не могу бегать.

— Выдержу, — с серьёзным видом сказал Хэ.

А-Фу посмотрел на него долго, а потом кивнул.

— Хорошо.

---

[1] Иероглиф «сяо» изначально означает «малый», используя его вместе с именем няня указывает не только на детский возраст господина, но и выражает нежность, а также почтительное обращение к «маленькому хозяину»

[2] Чаньшань — китайский традиционный мужской длинный халат

[3] Шаое — стандартное обращение слуги к сыну хозяина в старом китайском обществе

Через три дня во двор вошли солдаты.

Хэ не сразу понял, что происходит. Он играл в своей комнате, когда услышал крики родных. Выглянул в окно и увидел, как отца, дядю и старшего брата выводят во двор. Их руки были связаны за спиной. Крупные снежинки оседали на их плечах, но ни один из них не попытался их смахивать. Мать, тётю и сестру уводили в дом. Сестра не переставала плакать.

Солдаты были в тёмных шинелях, с винтовками. Они молча и быстро делали свою работу.

Няня вбежала в комнату. Её лицо было белым.

— Хэ. Идём за мной.

Она схватила его за руку и потащила в комнату А-Фу. Там, на кровати, лежал А-Фу — бледный, с серыми губами, но в сознании. С трудом приподнявшись на локте, когда они вошли, он кашлял, но глаза были ясными. Он всё понимал.

Няня, еле сдерживая слёзы, начала переодевать мальчиков. Сняла с Хэ рубаху с вышитым знаком рода, надела на А-Фу. Сняла с А-Фу простую рубаху слуги, надела на Хэ.

— Нет! — Хэ сопротивлялся и кричал. — Он же умрёт! Он умрёт!

— Пожалуйста, помолчи и послушай. Он уже умирает, — сказала няня, и её голос дрогнул. — А ты должен жить. Жить ради своей семьи, ради своего рода. Не кричи, или мы все сгинем.

Она уложила Хэ на кровать и накрыла одеялом.

— Лежи и не двигайся. Ты — больной сын служанки. Понял?

По щекам Хэ текли слёзы, он еле сдерживался, чтобы не разрыдаться, но кивнул.

Няня повернулась к А-Фу. Тот уже стоял, шатаясь, держась за спинку кровати. Он заставил себя выпрямиться, как подобает молодому господину. На нём была рубаха Хэ, с вышитым знаком рода. Он смотрел на няню, и в его глазах была решимость.

— Я готов, — сказал он тихо.

Няня взяла его за руку. В этот момент солдаты вошли в дом.

— Это сын служанки, — сказала она, кивая на Хэ, лежащего на кровати. — Болен, не жилец.

Собой она закрывала А-Фу.

Солдат посмотрел на кровать, потом подошёл ближе и отодвинул няню в сторону.

— А это кто?

— Это… — няня запнулась. — Это сяо Хэ, сын рода.

Солдат кивнул другому. Тот поднял А-Фу, который не сопротивлялся, старался сосредоточиться на том, чтобы держаться как можно прямее. Когда его выносили, он обернулся, ища глазами Хэ. Он увидел его покрасневшие, опухшие от слёз глаза. Он ничего не сказал, только посмотрел на него и улыбнулся, пытаясь передать всё, что не мог выразить словами.

Желание броситься вслед за ним охватило Хэ, но рука няни, тяжёлая как камень, легла на его плечо, не давая двинуться.

— Отвернись, — прошептала она дрожащим голосом. — Не смотри.

Но он не мог оторвать взгляд от двери, впитывая и запоминая каждую деталь лица А-Фу: бледность, заострившиеся скулы, ясные глаза и прощальную улыбку.

В тот же день был зачитан приказ: имущество конфисковано, слуги распущены.

Собрав вещи, няня со своим мужем и Хэ через чёрный ход вышли на улицу. Снег так и продолжал валить, засыпал голову и плечи. Хэ не чувствовал холода. Он чувствовал только руку няни и пустоту внутри.

Они брели сквозь лабиринты хутунов[4], минуя застывшие в безмолвии лавки. Взгляд Хэ скользил по золотящейся крыше храма, по рынку, где последние торговцы ещё предлагали горячие лепёшки.

[4] Хутуны — традиционная китайская застройка, представляющая собой узкие улочки-лабиринты

Они ехали поездом — на деревянных скамьях, пропитанных углём и потом. В тамбуре вполголоса слышался плач няни, прижимавшейся к груди мужа, когда она думала, что мальчик спит. Потом телега, подбрасываемая на стылой дороге. И снова — пешком. Хэ не запоминал маршрут — только руку няни, которая тянула его вперёд.

В маленьком городке в провинции Чжэцзян няня и её муж сняли комнату над чайной лавкой. Комната была маленькой: одна кровать, стол и жаровня. Окно выходило в переулок, где всегда было сыро и шумно. Хэ посадили на кровать и сказали:

— Запомни, отныне ты Цзинь Хэ. Ты — наш сын. А всё, что было прежде, забудь.

Хэ погрузился в молчание, которое продлилось неделю. Когда он наконец заговорил, его слова были прерывисты, а ночные крики, в которых он звал мать, разрывали сердце. Няня, слыша это, не могла сдержать слёз. В такие моменты она крепко обнимала его и тихо вторила:

— Спи, мой мальчик. Спи. Всё наладится.

В ту ночь, когда солдаты увели А-Фу и расправились с семьёй Хэ, в Шанхае, в богатом доме компрадора[5] Шэнь Дачэна, родилась девочка. Её мать умерла через несколько часов после родов: кровотечение, которое не смогли остановить. Девочку окружили кормилицы и слуги, но она кричала так, что старая акушерка, видавшая сотни родов, перекрестилась и вышла: в этом крике было что-то не от новорождённой — будто кричал не грудной ребёнок, а кто-то, кто прощался.

[5] Компрадор — торговец, который выступал посредником между внутренним рынком и иностранными компаниями

Глава 2. Новая жизнь. Шанхай, 1930 год

В районе Чжэбэй, где китайские кварталы теснились вдоль узких переулков, торговый дом Цзинь занимал два этажа: лавка и склад внизу, наверху — жилые комнаты. Вывеска была скромной, но внутри всегда было людно.

За прилавком стоял худощавый молодой человек — из тех, кого запоминаешь не сразу, но, разглядев, уже не путаешь с другими. В свои двадцать пять Хэ выглядел куда моложе своих лет: тонкие черты лица, чуть удлинённый разрез глаз, лёгкий загар. Волосы, остриженные по последней моде, были небрежно взлохмачены — так, словно их хозяин провёл по ним рукой и тут же забыл об этом. Он вёл журнал поступления товара и щёлкал костяшками счётов — ритм, выверенный годами за прилавком. И при всём этом проворстве двигался он плавно, почти бесшумно, словно всю жизнь старался не привлекать к себе внимания.

Одет Хэ был просто — в серую хлопковую рубаху с подвёрнутыми до локтя рукавами, чтобы не мешали в работе.

Когда Хэ было около одиннадцати лет, муж няни умер от тифа — болезнь скосила его за неделю, не оставив надежды на выздоровление. Няня осталась одна с мальчиком на руках и без гроша за душой. Она не могла прокормить его сама: силы были на исходе, а нужда подступала со всех сторон, поэтому написала старшему брату мужа, Цзинь Шуаню, в Ханчжоу. Тот приехал, забрал Хэ и увёз с собой.

Цзинь Шуань работал приказчиком в чайной лавке в Ханчжоу. Он был холост, детей не имел и взял Хэ «в сыновья» так же, как взял бы ученика: кормил, учил, брал с собой на склад. Когда дела пошли в гору, Шуань с Хэ перебрались в Шанхай, в район Чжэбэй, открыли чайную лавку, потом начали возить шёлк. Хэ быстро учился у дяди: считать ящики, вести учёт, знать, где брать товар дешевле.

Весна в Шанхае была скоротечной и влажной. Парки и улицы превращались в сказочные декорации. В переулке около лавки Цзинь цвели магнолии — крупные ароматные цветы, которые пахли так сильно, что перебивали запах чая. Лепестки устилали мощённую булыжниками улицу и прилипали к подошвам. Где-то за домами кричали торговцы, предлагая весенний зелёный чай, только что привезённый из Ханчжоу.

В лавку вошёл старик Чжао. Ему было семьдесят, он торговал чаем на рынке сорок лет и, кажется, знал здесь всех и живых, и мёртвых. Он был из тех стариков, которые ещё помнили империю и не верили нынешней республике. На Чжао был старый халат, перепоясанный верёвкой, и войлочная шапка, которую он не снимал даже в жару.

— Цзинь Хэ! — прогремел он. — Люди говорят, ты расширяешься. В концессию хочешь?

— Хочу, — ответил Хэ, заваривая чай. — Но пока рано.

— Рано? — Старик Чжао усмехнулся. — Тебе двадцать пять. У тебя голова на плечах. Не то что у этих торговцев-компрадоров, которые продают всё, что не приколочено.

— Не все, — сказал Хэ. — Некоторые не идут на поклон к иностранцам.

— Сложно поверить, — прищурился Чжао. — На свои? Без банков? Без концессий?

Хэ не ответил на его вопросы. Он молча налил чай — неспешно, будто сами движения были ответом. Старик Чжао не сводил с него глаз, наблюдал исподлобья. В лавке густо пахло жареным чайным листом: Хэ только что пережарил партию зелёного чая, и запах стоял тяжёлый, тёплый, плотный, с отчётливой ореховой ноткой, которая оседала в воздухе и, казалось, вплеталась в само молчание между ними.

— Ты не похож на торговца, — сказал он вдруг.

— А на кого похож?

— На чиновника или на… — Чжао помолчал. — На господина из старых, которые гнулись, но не ломались.

Хэ замер на секунду. Потом поставил чашку и с улыбкой ответил:

— Я просто хорошо воспитан.

— Воспитание — это не манеры, — сказал Чжао, забирая чай. — Это кровь. Спасибо, господин.

Он ушёл. Линь, мальчишка-помощник, который работал у Хэ уже больше года, тихо спросил:

— Хозяин, он это серьёзно?

— Старик Чжао шутит, — ответил Хэ. — Не слушай его.

— Но он сказал «господин»… — Линь не успел договорить.

— Забудь, — обрезал Хэ и, отвернувшись, направился обратно к ящикам. Но слова старика остались как заноза, которую не вытащить.

Вечером он получил письмо из дома Шэнь. Шэнь Дачэн, компрадор, приглашал представителя чайной лавки Цзинь на ужин. Хэ прочитал его дважды. Бумага была плотной, дорогой, с тиснёным гербом. Такие письма посылали только тем, кого хотели впечатлить.

— Дядя, — сказал он Цзинь Шуаню, который кашлял за прилавком. — Господин Шэнь приглашает нас на ужин, чтобы обсудить поставки шёлка.

Цзинь Шуань посмотрел на него. Он был уже стар, руки дрожали, но глаза оставались острыми. На нём был тот же чаньшань, что и десять лет назад, только теперь он висел на нём свободнее.

— Шэнь не приглашает торговцев просто так на ужин, — сказал он. — Он приглашает тех, кого хочет использовать.

— Значит, используем друг друга. Я схожу.

— Будь осторожен. В Шанхае не любят тех, кто выше своего места.

Хэ молча кивнул. И в этом молчании не было ни страха, ни обиды — только ровная, спокойная уверенность человека, который никогда не думал о себе как о торговце.

Дом Шэнь во французской концессии был дворцом. Мрамор, люстры, европейская мебель, слуги в белых перчатках. В саду цвели крупные розы, и их запах смешивался с запахом духов и сигар. Хэ вошёл в зал и почувствовал, как двадцать лет маскировки дают трещину. Здесь пахло не чаем, а властью.

Шэнь Дачэн был грузным мужчиной в западном костюме-тройке, с сигарой в руке и перстнем на мизинце. Он представил Хэ гостям. Лю Цзыхуэй, сын банкира, смотрел на Хэ, как на насекомое. Он был высок, холен, с холодными глазами и улыбкой, которая не доходила до глаз. На нём был костюм из импортного сукна — Хэ узнал ткань по блеску — и часы на золотой цепочке.

— Чайная лавка Цзинь? — поправляя манжету, сказал он. — Не слышал о вашей фирме.

— Мы работаем с провинцией, — ответил Хэ. — Через Ханчжоу и Сучжоу.

— Провинция — это хорошо. Земля. Но будущее за Шанхаем. Вы не хотите расти?

— Я расту, — спокойно ответил Хэ. — Просто медленно, как чай.

Лю засмеялся.

— Цзинь Хэ, вы меня рассмешили! Чай не растёт в Шанхае, только деньги.

Хэ не ответил. Он смотрел на Лю ровно и спокойно, не отводя глаз, — и Лю первым отвернулся, как отворачиваются от того, в чём не уверен. В этот момент в зал вошла дочь господина Шэня — Ижэнь.

В этом году Ижэнь исполнилось восемнадцать. Она была невысокой, но держалась прямо, с той внутренней уверенностью, которую не придумаешь. На ней было синее платье-ципао, мягкие волны волос обрамляли лицо, и лишь одна непослушная прядка падала на лоб — её Ижэнь привычно зачёсывала за ухо. На шее тонкой нитью лежала цепочка с нефритовой подвеской. Скользя глазами по толпе, она искала отца. И вдруг взгляд её упал на Хэ. Она остано-

вилась. Лицо разом побледнело, и скупая улыбка приличия, которая почти никогда не покидала её губ, исчезла.

Хэ почувствовал её взгляд, но не подал вида.

Направляясь к отцу, Ижэнь шла мимо, прикованная взглядом к Хэ. В этом полусне она задела веер, лежавший на краю стола, и тот со стуком соскользнул на пол. Хэ наклонился и поднял его. В момент передачи их пальцы соприкоснулись коротко, почти случайно, но воздух между ними натянулся.

— Веер, мисс, — сказал он тихо, почти шёпотом.

— Спасибо, — ответила она и не отняла руку сразу, будто медлила отпустить само мгновение.

— Вы в порядке?

— Да. Просто… вы мне кое-кого напоминаете.

Она ушла. Хэ проводил её взглядом до тех пор, пока её силуэт не растворился в толпе. Её слова заставили его напрячься, но внешне этого нельзя было показывать. Смутное, тревожное чувство шевельнулось внутри и не желало униматься.

Амма, няня Ижэнь, стояла у стены и видела происходящее. Её лицо было белым, как снег в Пекине. Позже, на кухне, она дрожащими руками мыла посуду. Кухня была жаркой, пахло жареным луком и соевым соусом, и где-то за стеной приглушённо играло радио.

— Амма, — раздался голос за спиной. — Кто этот человек? Цзинь Хэ?

Амма не обернулась. Её руки, занятые посудой, на миг замерли, но она тут же продолжила работу.

— Цзинь Хэ? Твой отец говорил, что он торговец чаем и шёлком. Сяо цзе[6], к чему такие вопросы?

— Амма, помнишь сны, о которых я тебе рассказывала? — Ижэнь шагнула ближе, и голос её стал тише, почти шёпотом. — Мне кажется, он очень похож на того мальчика из моего сна…

— Милая, сны не значат ничего, — отрезала Амма.

Ответ прозвучал слишком быстро, будто она давно заготовила его на случай таких вопросов. Затем Амма ещё долго и тщательно мыла чашку: тёрла её изнутри и снаружи, поворачивала в пальцах, ополаскивала и снова тёрла, хотя та давно уже была чистой. И всё это время молчала, не поднимая глаз. Тишина тянулась. Так и не дождавшись ответа, Ижэнь постояла ещё немного и пошла к себе в комнату.

Мелкий приказчик из Чжэбэя шёл в соседний район Хункоу и еле слышно напевал японский мотив. Он спешил попасть в книжную лавку на Северной Сычуаньской дороге до закрытия, за «учебником для сына». Внутри он сразу заметил узкую деревянную лестницу, ведущую на второй этаж. Продавец, старый японец, молча мотнул головой в её сторону.

Наверху был кабинет, заставленный книгами. Связки пыльных журналов загромождали проходы между стеллажами, в центре стоял низкий квадратный столик. С первого этажа, с улицы, разглядеть, кто наверху, было невозможно — потому место и было идеальным для закрытых встреч.

Приказчик поднялся на последнюю ступеньку, поправил рукава и вошёл. Господин уже ждал — сидел за столом, пил чай и жестом пригласил присоединиться. Он взял записную книжку и достал карандаш.

— Чем вы порадуете меня сегодня? — спросил он, не отрывая взгляда от чайника.

— Я разузнал информацию по вашей просьбе, господин Ито, — начал информатор. — Но обойдётся в два раза дороже, потому что это не просто слухи.

Ито чуть наклонил голову, слегка прищурился и улыбнулся.

---

[6] Сяо цзе — обращение няни к незамужней дочери хозяина, подчёркивает статус «барышни»

— Двойная? Значит, сам веришь, что она важная. Хорошо. Наливай чай, пока тёплый.

Приказчик налил себе чай и заёрзал на стуле.

— Про господина Цзиня Хэ, — продолжил информатор. — Слишком молод для своих лет. Слишком грамотен для ученика обычного торговца. И документы — будто только из канцелярии.

Ито продолжал пить чай, не спешил записывать.

— Только из канцелярии — это как?

— У большинства молодых людей двадцати пяти лет бумаги потёртые, помятые, пожелтевшие. А у него — ни залома, ни пятнышка.

Ито кивнул, словно подтверждая то, что и так знал.

— Что ещё? Давай не про торговлю, а про него самого, про семью?

Приказчик замялся, но азарт взял верх.

— Он работает в лавке дяди, торгует чаем и шёлком. Держится чересчур ровно для торговца. Спокоен даже в сложных ситуациях. Сотрудничает с поставщиками из Сучжоу и Ханчжоу. Сейчас расширяет каналы, заходит во французскую концессию. Кстати, с дядей они перебрались в Чжэбэй из Ханчжоу в 1918 году, до этого вели бизнес там.

Ито на секунду замер, затем записал карандашом «Спокоен. Выправка господина, а не торговца» и поднял глаза на приказчика.

— А где его родители? Если похоронены, то где и кто отпевал? Почему воспитывался дядей?

Приказчик растерянно захлопал глазами: его застали врасплох.

— Я… я не знаю. Никто об этом не говорит.

— Вот именно, никто не говорит. А человек, который потерял родителей, всегда чтит их память.

Приказчик понял, что сплоховал.

— Итак, давайте сегодня остановимся на оговорённой ранее сумме. А если принесёте продолжение — получите остаток, — закончил Ито.

Информатор встал, молча поклонился и ушёл. Ито посмотрел ему вслед и бросил через плечо:

— О дате следующей встречи узнаете таким же способом, как прежде.

Глава 3. Сны на двоих

Утро в комнате мисс Шэнь начиналось с чая и записей в дневнике. С отцом их связывала вежливая дистанция — и не более. Самым близким человеком была Амма: с четырёх лет она растила Ижэнь и ухаживала за ней. Но даже с Аммой были вещи, которые Ижэнь могла записать только в свой дневник: мысли о равноправии мужчин и женщин, мечты о поездках за границу, цитаты из переводных романов.

Ижэнь сидела на кровати, поджав под себя ноги. Дневник на коленях, чернильница рядом на полу. Обдумывая свои умозаключения, она крутила перо в своих тонких изящных пальцах. Сформулированная мысль тут же отправлялась на бумагу.

Ижэнь взглянула на комод неподалёку от кровати. На нём лежал вчерашний веер — тот самый, который поднял Хэ. Ижэнь не могла объяснить внятно, зачем она принесла его к себе в комнату, но ясно чувствовала на нём остатки чужого запаха: чая, пыли и ещё чего-то. Незнакомого и в то же время манящего.

«*Опять тот самый сон*, — писала она. — *За окном снежно и холодно. Дом с ночи ещё не успел прогреться от жаровни. Я лежу в постели, укутавшись в одеяло. В комнату приводят знакомого мне мальчика, мы меняемся рубахами. Я вижу его родимое пятно на спине в виде полумесяца и чувствую, что это наша последняя встреча. Потом меня уносят. Я улыбаюсь. Почему я улыбаюсь? Почему меня уносят?*»

Она отложила перо и посмотрела в окно, за которым цвели глицинии. Их сладкий, тяжёлый запах проникал в комнату через приоткрытую створку. Где-то внизу, во дворе, слуги развешивали бельё; слышались их смех и плеск воды. Шанхай просыпался.

На Ижэнь была домашняя одежда: свободная кофта и широкие штаны, волосы рассыпались по плечам — без ленты и шпилек. В таком виде её наблюдали только Амма да слуги, но сегодня она ещё не выходила из комнаты, и утро тянулось в тишине, словно затаив дыхание. Амма вошла с чаем — неслышно, как умела только она.

— Ты опять не спала? — спросила она, и в голосе её слышалась не укоризна, а привычная, давняя тревога.

— Спала, но плохо. Мне опять снился тот повторяющийся сон… Знаешь, декорации иногда меняются, но я очень чётко вижу, что это всё одно и то же время. Как будто я сама там была. Амма, меня действительно никуда не вывозили отсюда в детстве?

Амма поставила поднос. Ижэнь заметила, что её руки чуть дрожат. Дрожь была едва уловимой, но эти руки всегда её выдавали. С вопросительным и печальным видом Амма посмотрела на Ижэнь.

— Нет, сяо цзе. Я воспитываю тебя с четырёх лет и ручаюсь, что никуда тебя не вывозили.

— Амма, я уверена, что во сне видела его лицо. Я сейчас про господина Цзиня Хэ. Амма, я что, безумна?

— Я так не говорила, — ответила няня.

— Но ты думаешь.

Амма села рядом. Она пахла лавандой и старой тканью.

— Я думаю, что сны опасны. Особенно твои.

Ижэнь посмотрела на неё.

— Ты знаешь, кто он? Ты знала его раньше? Я видела, как ты реагируешь на мои вопросы о нём. Почему?

Амма встала. Её лицо снова стало гладким, как камень.

— Перекуси с чаем. Тебе нужны силы. Сегодня чаепитие у миссис Грин.

Она поспешно вышла. Ижэнь смотрела на дверь, понимая, что здесь что-то было не так.

Хэ в это время стоял за прилавком и смотрел сквозь чайник. Временами сны из прошлой жизни становились ярче. Сегодня он видел старый заснеженный двор, знакомую женщину в маньчжурском платье с ароматом сандала. Ещё он видел мальчика. Другого — слабого и кашляющего. Он видел, как того уводят. Он помнил горечь того момента, и ком в своей груди, и дыхание, сбившееся от рыданий. Кажется, в эту ночь он вновь пережил тот самый день, который нельзя было вспоминать. То прошлое, которое он, как мячик, с усилием толкал под воду, а оно всё время всплывало на поверхность.

Линь принёс письмо из плотной бумаги кремового цвета, с английским гербом. Миссис Грин, жена европейского бизнесмена, с которой Хэ познакомился на приёме у господина Шэня, приглашала торговый дом Цзинь прислать образцы чая на дегустацию. «В четверг, к четырём». Хэ прочитал его дважды. Особняк Грин находился в той же концессии, где и дом Шэнь, поэтому доставить товар не составляло труда.

— Дядя, — сказал он Цзинь Шуаню. — Миссис Грин хочет образцы на дегустацию.

Цзинь Шуань посмотрел на него.

— Пошли Линя. Или сам хочешь сходить? Если пойдёшь сам, то будь осторожен.

— С чем? — переспросил Хэ с недоумением.

— С кем. С людьми. — Старик помолчал. — Помни, кто ты.

Хэ кивнул.

В доме миссис Грин воздух был густым от аромата цитрусовых и табака. Гостиная, обставленная в строгом европейском стиле, хранила холодную элегантность: тяжёлые бархатные портьеры, фарфор, пианино в углу. На столике стояла ваза с розами, чьи лепестки уже начали увядать. За окном лил мелкий, навязчивый дождь, и капли мерно били по стеклу.

Хэ вошёл в дом. Сбросил плащ и шляпу, оставшись в простой льняной рубашке и свободных брюках. С собой он принёс ящик с образцами чая: зелёного, чёрного и жасминового. Оказавшись внутри, он почувствовал себя чужим среди лакеев в белых перчатках. Дворецкий проводил его на кухню и попросил подождать: «Госпожа примет вас позже». Он стоял там, среди запахов жареного мяса и стука посуды, пока в гостиной собирались гости, и думал, что здесь всё пахнет не тем, чем живёт.

Слуги сновали взад-вперёд: горничные с подносами, лакей с вином, повар в белом колпаке, кричащий на кого-то в глубине кухни. Хэ наблюдал за этим хаосом и понимал, что сегодня он — всего лишь прислуга на один вечер. Это было унизительно, но не впервые.

В гостиной сидели миссис Грин — британка с острым носом и улыбкой, приклеенной на случай важных гостей, Ижэнь, её подруга мисс Чэнь Мэй и Лю Цзыхуэй. Хэ вошёл с подносом, поставил чайник и начал заваривать — медленно, аккуратно, как учил Цзинь Шуань.

— Ах, господин Цзинь! — воскликнула миссис Грин. — Я слышала о вашем чае. Говорят, он лучший в Чжэбэе.

— Вы преувеличиваете, госпожа, — тихо сказал Хэ.

— Ничуть, — она улыбнулась, и улыбка вышла чуть острее, чем нужно. — Налейте нам и расскажите, что это за чай.

Хэ налил. Он чувствовал на себе долгий, тяжёлый взгляд Ижэнь — такой, будто она пыталась разглядеть в нём что-то, спрятанное даже от него самого, но он не поднимал глаз. Смотрел только на чашки. На пар, поднимающийся над фарфором. На крошечные круги, расходящиеся по поверхности.

— Дорогая, вы видели новые платья в «Уайтвэй»? — миссис Грин повернулась к Ижэнь. — Ужасно дорого, но так модно… Прямо как жизнь, которую хочется примерить!

— Не видела, — ответила Ижэнь. — Я была занята.

— Она была занята снами, миссис Грин, — усмехнулась мисс Чэнь. — Ей снятся рыцари. В блестящих доспехах, верхом на ветре…

— Чэнь Мэй! — упрекнула подругу Ижэнь, голос у неё дрогнул от досады.

— Что? Это же правда. Ты вчера весь ужин смотрела на торговца чаем, как на привидение, — мисс Чэнь говорила нарочно громко и небрежно, при этом всё время поглядывала на Хэ, будто проверяя: «А ты слышишь?»

Лю поднял бровь. Один короткий, выразительный жест — будто поставил точку в чужой фразе.

— На торговца? На нашего господина Цзиня?

Хэ уже закончил и стоял у столика с чайником. Пальцы сжимали ручку слишком крепко, будто он боялся, что чайник выскользнет и разобьёт тишину вдребезги.

— Я смотрела на его прекрасные манеры, — холодно сказала Ижэнь. — Он держится иначе, чем другие.

— Иначе? — Лю улыбнулся, но эта улыбка была лезвием. — Провинциалы всегда держатся иначе. Это делает их интересными?

— А что, по-вашему, делает человека интересным, господин Лю? Деньги?

— Уверенность. А деньги дают эту уверенность.

— А любовь?

— Любовь — это иллюзия для бедных.

Хэ замер. Внутри всё сжалось, как будто кто-то сдавил сердце в кулаке и не спешил разжимать пальцы.

— Вы так думаете? — продолжала Ижэнь.

— Я так знаю, — спокойно ответил Лю. — Бедные женятся по любви. Богатые — по расчёту, и это делает их счастливее.

— Или пустее…

Миссис Грин нервно засмеялась — звук вышел ломким, будто треснуло стекло.

— Дорогие, давайте о платьях!

Хэ снова налил чай. Ненависть к этому человеку не отпускала: к его холодности, уверенности, презрению к тем, кто беден. И к себе — за то, что не мог сказать ничего.

Он поставил чайник — чуть резче, чем следовало. Никто не обернулся. В гостиной снова заговорили о платьях, о фасонах, о ценах. Слова сыпались, как монеты из чужого кармана, звонкие и пустые. А Хэ стоял в углу, незаметный, как тень от лампы, и чувствовал, как тишина между фразами становится всё тяжелее. И в этой тишине было слышно главное: никто здесь не хотел услышать его.

После чаепития Ижэнь и мисс Чэнь Мэй шли пешком. На улице смеркалось, зажигались фонари, пахло рекой. Где-то тонко и дребезжа играл уличный граммофон. Мэй была давней подругой Ижэнь со времён миссионерской школы. Она была современной девушкой — курила, водила машину, не боялась «скандалов», носила короткую стрижку «по-парижски». Мэй оставалась единственной, кому Ижэнь могла доверять свои секреты.

— Судя по твоему поведению, ты его ненавидишь, — сказала Мэй.

— Кого? Лю?

— Да. И это хорошо. Не нравится мне он: скользкий, холодный человек. Но я слышала, твой отец хочет этого брака.

— Я знаю… — печально отозвалась Ижэнь. — Меня больше всего огорчает, что он говорит о любви так, будто читает лекцию о банковских процентах.

— И что ты думаешь про замужество с этим высокомерным педантом?

— Не знаю, Мэй. Сбегу от него.

Мисс Чэнь засмеялась.

— Сбежишь? Куда? В провинцию? К торговцу чаем?

Ижэнь молча смотрела на воду.

— Ижэнь. Чего ты молчишь? Ты серьёзно?

— Я не знаю. Звучит очень глупо и беспечно. Но когда я смотрю на него… — она помолчала. — Мне кажется, что я знаю его уже очень давно, как будто из другой жизни.

Ижэнь осеклась.

— А я думаю, что это романтично и… опасно, — поддержала подруга.

— Согласна, — помолчав недолго, добавила Ижэнь. — Я знаю, как правильно поступить, но не уверена, и это меня беспокоит.

Чэнь Мэй остановилась и, взяв Ижэнь за руку, сказала искренне:

— Ижэнь. Если тебе когда-нибудь понадобится помощь — знай, что я рядом. Поняла? Неважно, что скажет твой отец. Неважно, что скажет мой. Я здесь.

Ижэнь кивнула. От слов подруги ей стало легче.

День Цзинь Хэ выдался тягучим. Вернувшись в лавку в Чжэбэе, он будто снова надел привычную кожу. Здесь пахло сухим чаем и воском, которым натирали ящики. На полках темнели банки с сортами, привезёнными ещё до муссонов, а на прилавке лежали рулоны шёлка. Он снял шляпу, провёл ладонью по лицу, стряхивая с себя концессионную вежливость, и сел за стол, чтобы наконец заняться делом: пересчитать остатки, прикинуть, хватит ли шёлка на следующий заказ.

Стемнело, когда в дверь постучали. На пороге появился господин в тёмном костюме, сдержанный. В глазах читалась собранность: он смотрел не как гость, а как человек, оценивающий, впишется ли эта лавка в куда более крупную схему.

— Господин Хэ, прошу прощения за поздний визит, — сказал он, чуть наклонив голову. — Я понимаю, что день уже почти закончен. Меня зовут Ито Хидэо.

Хэ не стал делать вид, что рад гостю. Он лишь кивнул на стул напротив:

— Садитесь. Но предупреждаю: я не люблю пустых разговоров. Если у вас есть предложение — давайте расчёты.

Ито сел, положил на стол папку. Хэ внимательно изучил листок с расчётами и не спешил возвращать его. Он провёл ногтем по строке с фрахтом, потом поднял глаза — ровно, без вызова.

— Ваши цены выше рынка, — спокойно сказал он. — Но условия по страховке и фрахту съедают всю выгоду. Это не контракт, а приглашение к убытку.

Ито чуть наклонил голову, будто прислушивался не к словам, а к интонации.

— Вы внимательны, господин Хэ. Это редкость. И очень ценно. Мы готовы обсуждать отдельные пункты. Например, объёмы поставок. Если вы сможете гарантировать нам сто рулонов в месяц, мы можем пересмотреть тариф на фрахт.

Хэ не спешил соглашаться.

— Сто рулонов — это почти весь мой запас на сезон. А если муссон задержится и партия с юга не придёт вовремя? Кто покроет мне простой? Ваша страховка не покрывает задержки по вине перевозчика. Это прописано мелким шрифтом.

Ито едва заметно улыбнулся, как тот, кто рад, что уловку заметили.

— Значит, вы не из тех, кто подписывает, не глядя. Это упрощает разговор. Мы ценим надёжность и готовы предложить не только деньги.

Он сделал паузу — ровно такую, чтобы Хэ успел подумать, что сейчас прозвучит что-то большее, чем скидка на фрахт.

— Скоро здесь появится сила, которая будет помнить друзей. И не забудет тех, кто вовремя понял, где теперь лежат интересы.

Хэ усмехнулся, не поднимая глаз от счёта:

— Я продаю чай и шёлк. Политикой занимаются те, кому нечего продавать.

Тогда Ито сделал последний ход. Не повышая голоса, не меняя позы, он произнёс ровно:

— Старику, который вас вырастил, нужна защита.

Улыбка Хэ исчезла. Не дрогнули ни брови, ни пальцы — только в глазах на долю секунды вспыхнуло пламя. Он не стал спрашивать, откуда Ито знает про дядю. Не стал отрицать. Просто медленно сложил листок пополам одним чётким сгибом, вложил в папку и подвинул в сторону гостя.

— Благодарю за предложение, — сказал он, и в этой вежливости прозвучала окончательность. — Но я не заключаю сделок, где цена — чужие тревоги.

Ито кивнул, будто услышал не отказ, а подтверждение своих расчётов. Он поклонился — не низко, но уважительно, как кланяются равным.

— До встречи, господин Хэ, — тихо произнёс он, уже стоя у двери.

Когда створка закрылась за ним, Ито, не оборачиваясь, пробормотал:

— Умные всегда отказываются первыми. Значит, очередь дошла до самого интересного.

Хэ лежал в постели и смотрел в потолок. Хотя день был перегружен, уснуть он не мог — воспоминания возвращались снова и снова.

Вошёл Цзинь Шуань с лампой. Он был в халате, с растрёпанными волосами.

— Хэ, ещё не спишь?

— Не могу.

— Что такое? — заботливо спросил дядя и присел на край кровати.

— Помнишь, когда-то давно в детстве меня мучили кошмары? Так вот — эти сны на самом деле были явью. Я пытался стереть эти воспоминания. И на время даже получилось. Но с недавних пор они вернулись.

Цзинь Шуань помолчал. Пламя лампы качнулось.

— Что именно ты помнишь? — спросил дядя.

— Я помню, как уводили близких на расправу. Я помню взгляд моего… — он слегка замялся, но продолжил, — господина. Я помню наш побег из Пекина. Это терзает мою душу.

— Я знал, что у брата была непростая судьба, поэтому и не расспрашивал тебя никогда. Ждал, когда ты сам захочешь рассказать об этом. Спасибо тебе за честность, Хэ, — он положил руку на плечо племянника и нежно похлопал.

— Ты знал? Почему не сказал?

— Что мог я сказать? Ты ведь был ещё мальчишкой, — дядя вздохнул. — Я и так всё понял тогда… в шестнадцатом, когда забирал. Твои родители бежали из дома, где взяли их господ. Четыре года жили в мире, но потом брат сгорел от тифа. У жены сил не осталось, средств не было, и она попросила тебя забрать.

Хэ замер. Так вот что дядя думал все эти годы. Всё сходилось — кроме главного. Тот мальчик, которого увели, не был господином. Господином был он сам, и дядя, гладя его по плечу, не знал этого.

Сказать правду он не мог. Маньчжурский наследник, чудом выживший после расправы, был живой мишенью: потянется за ним кто-нибудь — и не только он один погибнет. А ложь дяди оставляла ему обычную жизнь. Пусть чужую. Пусть навсегда.

— Значит, сны были памятью? — тихо спросил он, глядя в пол.

— Памятью мальчика, которым ты был, — Цзинь Шуань кивнул. — Но ты уже не он. Ты — торговец до мозга костей. Ты — мой сын. Это не ложь, а новая жизнь.

— А что делать со старой?

— А старая пусть останется сном, — с улыбкой произнёс Цзинь Шуань. — Попробуй сейчас отвлечься, не думать об этом сне. Отдыхай.

Хэ волновался, что не рассказал дяде о вечерней встрече. Но он не хотел его беспокоить. Он закрыл глаза и провалился в темноту. На этот раз он увидел Ижэнь. Она стояла в снегу. Смотрела на него и улыбалась.

— Кто ты? — прошептал он.

Глава 4. Жестокая правда

Окно комнаты Аммы выходило во внутренний двор на северную сторону. Сама комната была маленькой, тёмной и даже в солнечные дни запах сырости и плесени не исчезал. Но Амма не жаловалась. Она жила здесь уже целую жизнь, с тех пор, как пришла в дом Шэнь, когда Ижэнь исполнилось четыре года.

Часть маленького столика у стены служила алтарём. На нём стояла свеча в медном подсвечнике, чашка с рисом и рисунок мальчика, нарисованный углём много лет назад. Художник из Аммы был никакой, да и сделан он был по памяти.

Амма сидела перед алтарём, сложив руки и тихо молилась. Сначала о муже, имя которого она не произносила вслух уже много лет. «Пусть земля тебе будет пухом. Пусть ты не помнишь боли и ждёшь меня там, где нет ни войн, ни солдат». Потом о своём сыне — мальчике, которого увели солдаты. Она не знала наверняка, жив он или мёртв, но она молилась так, как молятся о мёртвых, потому что надеяться было слишком поздно и больно. «Пусть ты не страдаешь. Пусть ты не зовёшь меня. Пусть ты счастлив там, где сейчас».

Немного помолчав, она продолжила.

— Пусть всё у тебя складывается благополучно. Я столько лет не видела тебя, но это точно был ты, я тебя узнала, — шептала она. — Ты вырос, ты стал мужчиной. Хотя глаза и руки всё те же. Прости, я не смогла подойти и обнять тебя. Прости, я очень виновата перед тобой.

Свеча дрогнула. Пламя наклонилось.

— Прости, я испугалась. Испугалась, что ты не захочет меня видеть. Боюсь, что ты возненавидел меня за то, что я тебя оставила и не искала встреч. За то, что я жила здесь, в этом доме, и молчала.

Она закрыла глаза, и по щекам потекли слёзы.

— Я думала о тебе каждый день. Я молилась, чтобы ты был счастлив. И вот, когда ты сам нашёл меня, я вместо того чтобы подойти и спросить, счастлив ли ты, просто сижу здесь… Я такая трусиха. Я ненавижу себя за это.

Она открыла глаза. Свеча горела ровно.

— Прости меня, — сказала она. — За то, что я тебя оставила. И за то, что до сих пор не подошла.

В комнату вошла Ижэнь.

— Амма. Ты не пришла на завтрак.

Амма быстро убрала рисунок в ящик столика.

— Прости, я молилась.

— За кого?

— За мёртвых и живых.

Ижэнь села рядом на скамью. Она повернула голову и с любопытством посмотрела на алтарь — на свечу, рис и пустое место, где только что лежал рисунок.

— Амма. Ты никогда не рассказывала мне о своей жизни.

Амма помолчала. Она смотрела на свечу, и в её глазах отражалось пламя.

— Что ты хочешь знать?

— Ты была замужем?

— Была. Муж умер от тифа много лет назад.

— А дети? Дети были?

Амма молчала.

— Был один мальчик, которого я растила как своего сына, но потом потеряла.

— Как?

— Смутное время, сяо цзе. Война. Перевороты. Семьи распадались, люди теряли друг друга.

— Ты его любила?

Глаза Аммы вновь стали мокрыми.

— Как сына, даже больше.

— А где он сейчас?

Амма замешкалась.

— Я молюсь, чтобы он был жив.

Ижэнь тихо спросила:

— А может ли он быть тем мальчиком из моего сна?

Амма резко обернулась. Её лицо изменилось, стало жёстким, почти злым.

— Нет. Тот мальчик — совсем другое. Забудь и никому не говори про это.

Она встала и стремительно вышла. Ижэнь осталась одна смотреть на алтарь. Потом, оглянувшись, медленно, чувствуя себя воровкой, одной рукой приоткрыла ящик столика. Сверху лежал рисунок мальчика с прямым носом и выразительными глазами. Перед глазами вспыхнули отрывки из многолетнего сна, который не отпускал. Кажется, её сон становился реальностью, как бы няня это ни отрицала.

Ижэнь закрыла глаза.

Цзинь Шуань умирал. Он лежал на кровати в комнате, в которой пахло лекарствами, потом и ещё тем сладковатым запахом, который появляется, когда тело готовится уйти. Майское солнце припекало снаружи, но в воздухе уже чувствовалось дыхание лета. Хэ сидел рядом с дядей. Линь стоял у двери, не зная, куда деть руки.

Цзинь Шуань кашлял. После каждого сотрясающего его тело удара, он лежал несколько секунд, закрыв глаза, собираясь с силами. Он сильно похудел и его руки, когда — то мощные, теперь лежали на одеяле, как сухие ветки.

— Хэ… — прошептал он.

— Да, я здесь, дядя.

— Ты не мой родной сын, ты это знаешь.

Хэ помолчал.

— Знаю.

— Но ты — лучшее, что у меня было. Я не хотел тебя брать. Думал, чужой ребёнок, станешь обузой. А ты стал… — он закашлялся. — Сыном.

— Дядя, если тебе тяжело, не говори много. Поправляйся.

Цзинь Шуань криво улыбнулся, половина лица уже не слушалась.

— Нет. Я знаю, что смерть уже рядом. Я не боюсь этого, она как чай: горький, но согревающий.

Хэ взял его за руку, лёгкую, как бумага.

— Что мне делать, дядя, если ты меня оставишь?

— Живи сейчас и не ищи прошлое. Мама тебя оставила мне, чтобы выжить. Не держи на неё зла и прости, если встретитесь когда — нибудь, — Шуань знал, что это его последние наставления племяннику. Он искренне любил Хэ, всегда заботился и теперь переживал, потому что тот оставался один. — Теперь у тебя останется рядом только Линь. Позаботься о нём, у него кроме тебя тоже никого нет…

Дядя тяжело вздохнул, набираясь последних сил.

— Хорошо, дядя. Я обязательно буду заботиться о Лине. Не переживай. В работе и в жизни я буду использовать все твои навыки, которые ты мне передал. Обещаю. Дядя, я буду жить настоящим, но что, если прошлое само меня найдёт?

Цзинь Шуань посмотрел на него: серьёзно с предельной ясностью в глазах.

— Тогда… — он помолчал. — Тогда будь тем, кем хочешь быть.

— Я не знаю, кем хочу быть.

— Знаешь. Просто боишься себе признаться

Дядя закрыл глаза. Хэ сжимал его руку, и ему казалось, что если он будет держать крепче, смерть не сможет войти, но дыхание слабело.

— Хэ…

— Да?

— Ты больше, чем Цзинь.

После этих слов Цзинь Шуань умер. Тихо, словно заснул. Хэ держал его руку, пока она не остыла. Он не мог плакать — внутри была пустота.

— Хозяин… — тихо сказал Линь.

— Приготовь всё. Похороны — завтра.

Хэ вышел на улицу. Воздух будто застыл. В нём ещё висело тепло недавнего солнца, но уже повеяло прохладой. Он долго стоял и всматривался в серое небо. От неожиданного дождя его пробила лёгкая дрожь, но по мере того, как дождь усиливался, его тело расслаблялось. Он подставлял лицо каплям, готовым смыть всё его напряжение.

— Дядя. Я не знаю, кто я. Точнее, я уже забыл, но я знаю, что ты стал для меня отцом.

Когда Линь вернулся в лавку, был уже поздний вечер. Хэ был одет в чёрное. Сидел за прилавком и механически перебирал бумаги, которые требовалось занести в журнал учёта. Увидев вошедшего Линя, он посмотрел на него глазами, полными глубокой печаль и лёгкой растерянности.

— Ты долго, — произнёс он.

— Да, всё на завтра готово. Знакомых также оповестил, — размеренно ответил Линь.

Вот уже больше года, как Цзинь Шуань нашёл мальчика в проулке рядом с рынком: он прятался от дождя под навесом, дрожащий, в чужой одежде не по размеру. Дядя пожалел мальчишку, накормил, а потом, понаблюдав, понял, что у парня золотые руки: он быстро учился, не ленился, не воровал, не болтал лишнего. Так он взял его в качестве помощника в лавку. Документов у него не было, имени он толком не помнил — только прозвище, которым его звали в квартале. Дядя дал ему имя и работу, помог выправить документы.

Из соображений приличий и порядка дядя не хотел, чтобы подросток жил с ними прямо в чайной. Он договорился с хозяином дешёвой ночлежки в двух кварталах: платил за койку, просил, чтобы мальчика не обижали, и велел ежедневно приходить к открытию лавки.

Хэ смотрел на Линя. В его взгляде читалась новая, непривычная ответственность. Он и до этого хорошо к нему относился, а теперь, дав обещание дяде, знал, что от его заботы во многом будет зависеть будущее мальчика.

— Я позабочусь о тебе. Не переживай, — сказал Хэ. — Ты продолжишь работать, будешь есть досыта и, если захочешь, будешь учиться. Я не дам тебя в обиду.

Немного помолчав, он добавил.

И съезжай с ночлежки. Я думаю, дядя был бы рад, зная, что ты будешь жить в его комнате.

Мальчик слабо улыбнулся в ответ и кивнул. В этой улыбке была благодарность и робкая радость.

Амма узнала о смерти Цзинь Шуаня от служанки. Та прибежала в кухню, запыхавшаяся, и выпалила:

— Амма! Там человек пришёл от торгового дома Цзинь. Говорит, хозяин Цзинь Шуань умер.

Амма стояла у плиты. Она не двинулась, только руки остановились.

— Умер?

— Да. Похороны завтра в два.

Служанка убежала. Амма села на табурет. Потом встала, дошла до своей комнаты, закрыла дверь и заплакала в подушку, чтобы никто не слышал.

Вошла Ижэнь. Увидев сгорбленную и плачущую Амму, она впервые за много лет поняла, что за спокойствием няни пряталась страшная тайна.

— Амма? Что случилось?

Амма вытерла глаза. Она старалась держаться, но всё равно ещё всхлипывала.

— Старый друг умер.

— Кто?

— Отец… одного мальчика, которого я знала.

— Того мальчика, за которого ты молишься?

Амма медленно одобрительно кивнула.

— Он остался один. Теперь остался совсем один.

Ижэнь обняла её. Не привыкшая к объятиям, Амма сначала напряглась, но затем обмякла.

— Ты хочешь пойти на похороны?

— Хочу, но не могу. Да и меня там не ждут.

— Я пойду с тобой.

Амма посмотрела на Ижэнь.

— Ты? — на лице Аммы отразились удивление, благодарность и страх.

— Я не знаю господина Цзиня Шуаня, но ты же знаешь. Этого достаточно.

Впервые за долгое время Амма плакала, не скрываясь.

В день похорон шёл дождь. Маленькое кладбище на окраине Шанхая являло собой печальный вид. Окружающие его канавы зарастали, серые надгробия поникли, мокрые венки казались скромными свидетелями чьих — то последних вздохов. Хэ стоял в чёрном, Линь рядом с зонтом. Народу было немного. Пришли старик Чжао и ещё несколько торговцев. Говорили мало. Дождь заглушал слова. Земля была мокрой и тяжёлой, и вода стояла в лужах между могилами.

Вдалеке стояли две женщины под зонтом. Амма была в тёмном платке, в сравнении с которым её лицо казалось ещё бледнее. Ижэнь держала её под руку.

— Хозяин, — тихо сказал Линь. — Там женщины из дома Шэнь.

Хэ обернулся. Вначале обратил внимание на Ижэнь. Она смотрела на него. Кивнула. Он кивнул в ответ. Потом его взгляд упал на Амму. Она смотрела на него слишком долго для незнакомых. Её рука поднялась и тыльной стороной кисти медленно заскользила по брови от переносицы к виску, как будто стирая что-то невидимое. Хэ застыл, плечи напряглись. Он узнал этот жест. В горле встал ком.

— Кто это? — спросил старик Чжао.

— Дочь Шэнь Дачэна и её няня.

— Няня? — Чжао присмотрелся и тут же его лицо изменилось. — Я её знаю. Она была… — он помолчал, подбирая слова. — Она когда — то жила в Пекине. Прислуживала в одном хорошем доме. Потом исчезла.

Хэ резко обернулся.

— В Пекине? — неуверенно уточнил он.

— Да. — Чжао смотрел на Амму. — Я помню её. Она молодой выскочила замуж за младшего брата твоего покойного дяди. А потом, после переворота, говорили, что она уехала с мужем и с ребёнком.

Старик Чжао нахмурился, казалось он начал сомневаться в только что сказанном. Хэ всматривался в лицо Аммы с отчаянной сосредоточенностью. Она продолжала смотрела на него. Между ними была могила и четырнадцать лет разлуки.

После похорон дождь почти кончился. Воздух был влажным и тяжёлым. Амма ушла к экипажу. Ижэнь осталась стоять у ворот. Хэ подошёл к ней.

— Мисс Шэнь. Спасибо, что пришли.

— Амма знала вашего… дядю.

— Рад был вас видеть, мисс Шэнь.

Сказал Хэ и, откланявшись, собирался уйти, но почувствовал, что его останавливают за рукав.

— Господин Цзинь, вы мне снились, — выпалила Ижэнь.

Хэ замер на месте. Ноги налились свинцом и не давали ему сделать и шага, а каждый удар сердца отдавался в висках.

— Что? — пытаясь казаться невозмутимым, спросил он.

— Я с детства вижу странные сны. Я не понимаю о чём они и почему снятся, но я чувствую, что мальчик из этих снов — это вы, господин Цзинь.

— Что вы такое говорите, мисс Шэнь? И как вы можете быть уверены?

— Я не уверена. И ещё… я боюсь, что безумна, — пальцы Ижэнь теребили тонкий ремешок часов, выдавая её волнение. — Господин Цзинь, я не уверена, что это вы, но вы мне кажетесь очень знакомым… и почему тогда меня так тянет к вам? Остановившись и перехватив дыхание, она продолжила:

— Если вам интересно, я могу рассказать все подробности…

Хэ побледнел. Он смотрел на эту девушку, так прямо заглядывающую в его глаза. В её взгляде не было фальши, только искреннее любопытство, которое обволакивало, лишая его способности сопротивляться. Он чувствовал эту искренность, но не мог постичь её. Что в ней было такое, что заставляло его всё больше располагаться к мисс Шэнь? Хэ поймал себя на мысли, что не хочет отталкивать этот незнакомый отклик. И это открытие смущало его больше всего.

— Мисс Шэнь. Я не знаю, что сказать. Я…

— Не говорите ничего. Просто… — она протянула руку. — Можно мы с вами увидимся ещё? Я приду в чайную. Вы будете там?

Он смотрел на её руку. Ему хотелось в ответ протянуть свою и зажать её тёплую ладонь, но он не сделал это, только ответил.

— Я буду в чайной. Я никуда не уеду.

Она ушла. Он грустно смотрел ей вслед.

Мукден. Ночь.

Штаб погрузился в тяжёлую, безмолвную ночь. За окнами — ни огонька, лишь редкие шаги патруля нарушали тишину, да скрип половиц в коридоре. В кабинете полковника Ито горела единственная лампа, выхватывая из мрака стопки бумаг, чернильницу и два стакана: один с остывшим кофе, другой — с остатками саке.

Ито склонился над картой, когда в дверном проеме возник силуэт Мацуды. Огромный, мускулистый, он казался высеченным из камня. Войдя, Мацуда швырнул папку на край стола и с тяжелым вздохом опустился на стул напротив.

— Опять эти бумаги, — фыркнул он, покосившись на аккуратные стопки.

Ито не поднял глаз. Он медленно провёл пальцем по линии железной дороги на карте, будто проверяя на прочность.

— Мы строим империю, Кэндзи, — спокойно ответил он. — И фасад должен выстоять сам по себе.

Мацуда хмыкнул, взял стакан с саке и осушил его одним глотком. Его пальцы были грубыми, мозолистыми.

— Твой торговец из Шанхая тянет время. Задержи, допроси, и через два дня он сам всё расскажет. Можно припугнуть дядю, можно сорвать поставки. Это работает. Чего ты так мучаешься?

Ито наконец поднял глаза, в которых не было злости, только усталость, смешанная с упрямством.

— Если мы приволочём его в кандалах, весь мир увидит кандалы, — тихо, но твёрдо сказал он. — А если он сядет на трон сам, по собственному желанию — все увидят императора.

Мацуда подался вперёд, упёршись ладонями в стол. Его голос стал жёстким, как сталь.

— Полковник Ито, мы не на балу. Если этот торговец не понимает с первого раза, он поймёт со второго. Ну, или перестанет быть проблемой.

— Он не проблема, — возразил Ито. — Он актив: источник связей и репутации. Ну и, в конце концов, его имя даёт нам легитимность.

— Легитимность? — Мацуда коротко рассмеялся — без веселья. — Легитимность — это когда никто не смеет спорить.

— Ребёнка Цин нельзя ставить под пули, — продолжал Ито, не повышая голоса. — Если его убьют или покалечат, он перестанет быть символом, а станет уликой.

Мацуда откинулся на спинку стула, скрестив руки на груди. Его лицо стало непроницаемым.

— Что будешь делать, если все твои кандидаты окончательно откажутся? — спросил он, глядя прямо в глаза Ито. — Что тогда? Ты будешь дальше расписывать им красивые перспективы?

Ито помолчал.

— Такого не будет… Кто-нибудь да согласится, — сказал он, но в его голосе отозвалась нотка неуверенности.

В комнате повисла тишина. Только лампа тихо потрескивала, отбрасывая длинные тени на стены. Ито смотрел на папку с досье, лежавшую перед ним.

Он верил, что порядок в Маньчжурии возможен только под японским контролем, и видел в своей работе не насилие, а шанс для тех, кто иначе останется на обочине истории. Он умел обещать привилегии, деньги, статус — и знал, что именно это чаще всего и склоняет чашу весов. Но сейчас, в тишине опустевшего кабинета, его уверенность дала трещину.

Он вспомнил утренний приказ: «Ускорить вербовку. Доложить о прогрессе к пятнице». Сверху давили, требовали цифр и имён, и его «мягкая сила» всё чаще казалась начальству медлительной роскошью.

Ито вдруг поймал себя на том, что мысленно подбирает формулировки для рапорта про меры воздействия, контроль, нейтрализацию. Ему не хотелось становиться тем, кто решает всё силой. Но ещё меньше ему хотелось оказаться тем, кого сочтут неэффективным и заменят кем-то вроде Мацуды.

Мацуда встал, потянулся, будто сбрасывая с плеч невидимую тяжесть.

— Ты слишком долго жил среди китайцев, полковник, — бросил он, уже стоя в дверях. Его силуэт снова растворился в темноте коридора, оставив после себя только эхо шагов.

Дверь тихо щёлкнула. Ито остался один. Он взял пустой стакан, покрутил его в пальцах, потом резко поставил обратно. В груди поднималось раздражение на самого себя: за сомнения, за эту тягу к изящным решениям, которая сейчас выглядела как нерешительность.

Ито снова посмотрел на досье. Скользя пальцами по обложке, он думал о своей судьбе. О том, сколько ещё ему позволят действовать по-своему, прежде чем «мягкая сила» станет просто оправданием для бездействия. И о том, какую цену придётся заплатить, если он решит, что время обещаний закончилось.

Неделю спустя.

— Господин Ито, караван торговца Цзинь задержан на заставе под предлогом проверки. Люди шепчут, что это слишком заметно.

— Кандидаты сами себя не найдут. Чтобы человек задумался о сотрудничестве, ему нужно почувствовать, что у него нет выбора. А чтобы он согласился — нужно, чтобы он поверил, что мы — единственный выход. Цзинь Хэ умён, он осознаёт важность денег и связей. Именно поэтому он нам нужен.

— Сейчас он простой торговец. Почему именно он?

— Он из рода Айлинь Гиро. Кроме того, у него есть то, чего нет у большинства аристократов: он знает, как работает реальная экономика. Подходящий вариант для нашей будущей Маньчжурии. Если он не согласится открыто, пусть хотя бы станет нашим мостом к тем, кто согласится. Пусть считает себя независимым. Но мы сделаем так, чтобы он понял: мы знаем каждый его шаг.

ЧАСТЬ II Сны становятся явью

Глава 5. Родимое пятно

Первый месяц лета ворвался в город жарой и высокой влажностью. Воздух над рекой дрожал, как в мареве, а булыжник под ногами раскалялся. В чайной вентилятор гонял горячий воздух, и от этого становилось только хуже. На улицах пахло пылью, людским потом и переспелыми персиками — сладкий, тяжёлый запах смешивался с вонью из сточных канав.

Хэ разгружал ящики с чаем на складе за лавкой. Пот стекал по вискам и шее. Он снял пиджак, расстегнул ворот и на минуту присел на ящик, чтобы перевести дух. На нём была светлая хлопковая рубашка, прилипшая к спине, рукава подвёрнуты до локтя.

Последний раз он видел Ижэнь на похоронах Цзинь Шуаня две недели назад. Тогда у ворот кладбища она смотрела на него так, будто знала всю его жизнь. С тех пор он не переставал о ней думать.

Его мысли прервал Линь, который зашёл на склад. За последний год он заметно подрос — ему уже исполнилось пятнадцать, и голос у него ломался. На нём были простая рубаха и штаны, он оставлял на пыльном полу следы босых ног.

— Хозяин, — сказал Линь. — Там мисс Шэнь с отцом. Хотят чаю. И… ещё вот это. — Он протянул Хэ письмо, края которого истрепались от того, что Линь то и дело теребил его в пальцах. — Про груз из Сучжоу. С заставы.

Хэ выпрямился. Первая мысль была: «Как же я соскучился по ней!» Вторая — холодная и тяжёлая: письмо не принесёт хороших вестей.

— Проводи их за стол, обслужи пока. Я сейчас.

Он медленно выдохнул, надел пиджак, но тут же снял его и оставил на гвозде. Глянул на себя в зеркало: прилипшая рубашка и взмокшие волосы — ничего не исправить. Дискомфорт от одежды сковывал его меньше, чем внутреннее напряжение. Он с усилием сделал шаг в сторону парадной.

Шэнь Дачэн сидел за столом недовольным. На нём был лёгкий летний костюм из тонкого сукна, в руке — часы на золотой цепочке, на пальце — перстень с нефритом. Лицо блестело от пота, который он вытирал платком.

Ижэнь рядом казалась уставшей от жары. Светлое ципао, воротник расстёгнут на пуговицу, локоны спрятаны под шляпкой. Она теребила подол, пряча волнение. Взгляд то и дело скользил к двери, но она тут же отводила его, будто нарочно притворяясь равнодушной. А сама всё ждала. И стоило Хэ появиться на пороге, как лёгкая улыбка и опущенный взгляд выдали её смущение.

Хэ вошёл, поклонился. Перед гостями стояли чайный сервиз и наполненные пиалы.

— Господин Шэнь, простите за вид. Жара.

— Господин Цзинь, — процедил Шэнь, морщась. — Мы говорили о шёлке. Вы задержали поставку.

Хэ затаил дыхание. Пальцы невольно сжались в кулаки, но он тут же заставил себя разжать их. Слабость сейчас была недопустима. А письмо в кармане жгло бок.

— Задержали не мы. Поставщик в Сучжоу. Муссон. Дороги размыло.

— Меня не волнуют дороги. Меня волнуют сроки.

— Я понимаю. Через три дня всё будет.

— Через два, или я найду другого.

Хэ кивнул. В груди сжалось, но голос остался ровным. Он вспомнил свои слова Линю: «Проверка — это не когда смотрят бумаги, а когда перекрывают дорогу». И сейчас он чувствовал, что эта дорога перекрыта, но озвучить вслух не мог.

Шэнь встал, взял трость.

— Ижэнь, идём.

— Я хочу допить чай.

— Хорошо. Пять минут, я пока зайду в ближайшую антикварную лавку. — Он вышел.

Когда дверь за Шэнем закрылась, Хэ на секунду прикрыл глаза. Ижэнь подняла на него взгляд — в нём читались и сочувствие, и вопрос.

— Простите, — тихо сказал Хэ, будто оправдываясь перед ней одной.

Ижэнь чуть наклонила голову, едва заметно улыбнулась:

— Жара делает всех нетерпеливыми.

Он хотел ответить что-то лёгкое, но вместо этого почувствовал, что письмо в кармане будто стало тяжелее. «Через два дня… — пронеслось в голове. — А если груз так и не пройдёт?»

Тишину в комнате разбавляло только жужжание вентилятора под потолком. Неловкая, напряжённая пауза сохранялась. Хэ повернул голову к прилавку и увидел нарезанный лимон, который Линь забыл поставить на стол.

— Мисс Шэнь, лимон к чаю не желаете? — Не дожидаясь ответа, он повернулся и отшагнул от стола.

Ижэнь не успела ответить. Её пальцы вдруг стали чужими и непослушными. Они разжались, и пиала выскользнула из руки. С глухим стуком она ударилась о блюдце и замерла. Но Ижэнь этого уже не слышала: в ушах звенело, а перед глазами всё сузилось до одной точки — тёмного полумесяца, проступившего сквозь тонкую ткань рубашки в районе левой лопатки. Чёткого, знакомого, будто отпечатанного не на коже, а прямо в её памяти.

Она замерла, не в силах вдохнуть. Холод прокатился по спине, хотя воздух был горячим и густым. Кончики пальцев заледенели, и она вцепилась в край скатерти под столом, чтобы не потянуться к нему, не коснуться этой метки.

— Господин Цзинь… — Голос сорвался, вышел хриплым, чужим.

Он обернулся и, едва увидев её состояние, рванулся к ней, напрочь забыв, зачем вообще повернулся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.